

На пиратских картах место, где зарыто сокровище, обозначалось либо знаком "плюс", либо буквой "хер". Непривычный к письму конкистадор ставил +, привычный к лукавству грамотей это место херил. Андреевский крестообразный фундамент Андреевской церкви — труд грамотея.

Как кружево слов плетется вокруг сюжета, создавая впечатление пышности и таинственной связи между текстовым обрамлением рассказываемого, — так планировочный материал Киева середины XVIII века ткался вокруг старых церквей и новых главных улиц, с оглядкой на постройки и приглядкой за булыгами. Когда губернатор Иван Фундуклей замостил Андреевский спуск, и по нему стало невозможно ходить, киевляне обратили на эту улочку внимание. Похеренный диагональным крестом св. Андрея Первозванного, крестообразный фундамент Андреевской церкви, будучи заложен рукою государыни Елизаветы Петровны в 1744-м, помечал и на Андреевской горе, и на карте города место, где Растреллиева барочная скороговорка выбалтывалась деревянному Подолу до упрямой веселости. Барочность всегда признак невроза.

В "Повести временных лет" не сказано, на какой именно горе св. Андрей воздвиг крест, приговаривая: "видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божья, будет город великий, и воздвигнет Бог многие церкви". То есть, стоя на одной горе, апостол указывал на окружающие. Гор в Киеве много, и для повседневной ходьбы город неудобен: то вверх, то вниз. Поскольку — небольшое исключение — улица Владимирская самая прямая и по тем временам самая длинная, она выпростывается к склонам и горе, ближайшей к днепровской водичке. Там, на переломе пространств, и решили строительно повторить Андреев подвиг. "Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь, узнал он, что недалеко от Корсуни устье Днепра, и захотел отправиться в Рим, и приплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру". Хотя у Нестора здесь очевидная географическая несогласованность намерений апостола, проповедовавшего по окраинам римо-византийского мира, для киевлян важно, что "пришел он и стал под горами на берегу. И наутро встал и сказал бывшим с ним ученикам [о горах и благодати]. И взошел на горы эти, благословил их и поставил крест, и

помолился Богу, и сошел с горы той, где после возник Киев, и отправился по Днепру вверх" [1]. Исторически неважно, действительно ли св. Андрей добрался до Киева, — культурно значимым было Нестерово свидетельство.

Культурно-историческое не столько значение, сколько место Киева Мирон Петровский отметил тремя вешками. Во-первых, Киев раскинулся на холмах, которые контролировали великий днепровский путь, соединяющий этносы, народы и страны. Во-вторых, Киев расположился на границе леса и степи, западного и восточного славянства. В-третьих, Киев это ворота и перевалочный пункт исторических культурных влияний, идущих сквозь время и пространство из Греции и Византии в Русь [2]. Место, "откуда есть пошла русская земля" ("откуда пить" — не сказано), у Нестора обозначено расплывчато, но дело не в летописной точности, а в том, что не следует платить за что-то больше, нежели оно стоит.

Приобретши реальные очертания, то есть когда слово материально воплотилось в конкретном строении, это слово вернулось киевлянину через градостроительную дверь: подчеркнули не только твою собственную значимость как члена городского организма, но и маркировали место, которому нужно поклоняться, поскольку о нем было слово. Где такое видано? Полунищий, планировочно неудобный провинциальный городишко с ветхими развалинами, предположительно клерикальными, да несколькими страничками "воспоминаний", о которых ведают лишь пара излишне внимательных читателей, и — церкви барочные строим. Мало кто из нас так добротен устроен, что может сослужить кому-нибудь службу и не вменить это себе в заслугу. Вот и Нестор просто записывал что слышал, ни на что не рассчитывая. Он не подражал англичанам, которые вывихивали язык, стремясь выразиться как иудейские пророки. Однако за его словом последовало других историческое дело.

Если всмотреться в планировочный каркас Верхнего города, непременно заметишь, что улица Владимирская — длинная-предлинная, — начинаясь (вопреки правилу нумерации домов) от привокзальной улицы Боженко на юге, заканчивается Андреевской церковью на севере. Эдакий бунчук с конским волосом спуска, или — лучше — наколотая на конкретный Владимирский шесток метафора сперматозоида: головка — овальный план Андреевской церкви, жгутик — Андреевский спуск, извивно крадущийся к церкви с Подола.

Андреевскую церковь породила "Повесть временных лет": благодаря бумаге сложились камни. Это оттого, что воображением человек пытается возместить якобы утраченное. Подавляющее число книг не стоит того, чтобы их читали больше одного раза —

"Повесть" переписывали в течение первого трехсотлетия русской письменности, а остальные четыреста внимательно перечитывали. Книг о прошлом тогда было немного, и каждый неглупый человек старался придать прокравшемуся сквозь вековую муть свидетельскому слову побольше важности. Важность, черпавшаяся в слове, отражалась не в слове же, — для пространственного оттиска существовал еще один долговечный инструмент: стройка.

Святой Андрей и святой Владимир — будто братья. Неважно, что между ними столетия, что один едва летописен, а второй просто легендарен. Важно, что их имена, записью сохраненные, зачастили в городской топонимике. Андреевское, поскольку незапамятнее, поминается реже, владимирское, поскольку чуть моложе, поминается чаще. Поблизости расшаркивают осеннюю листву архангел Михаил и княгиня Ольга.

С именем Владимира в Киеве связаны не только памятник князю, Университет, Владимирская горка, Владимирский спуск, Владимирский собор, июльский крестный ход и учрежденный Екатериной Великой орден св. Владимира, но и улица Владимирская, с расположенным на ней Университетом, выкрашенным в красное и черное — цвета орденской ленты. Улица Владимирская, изламываемая Владимирским же проездом, — основание "креста св. Владимира", который доньше прочитывается в городском каркасе. "Владимирская улица и Владимирский проезд — фуникулер (ведущий к набережной)" и "Андреевская церковь — Владимирская горка" — две перекладины, скрещивающиеся у Михайловского собора: планировочный *crux immissa vel capitata* латинского образца. В "основании" этого креста как бы дислоцировано здание Университета — рассадника высших знаний. "Слева" — маячок Андреевской церкви. Просвещение и вера одного корня.

Эллинство дышит в этой фигуре. Скажем, читая лекции о Риме, киевский профессор Юлиан Кулаковский в начале XX века потому писал о Византии, а киевский писатель Михаил Булгаков, мысля о языческом Риме, потому писал о христианском Киеве, что сама городская топонимика первому подсказывала точку отталкивания, второму — точку притяжения. Кулаковский нес свой крест по Владимирской улице в Университет, Булгаков — по тексту "Белой гвардии" — в мировую литературу [3]. Мне нравится такое умозаключение, хотя на эту тему нельзя сказать ничего нового, что стало бы правильным, и ничего правильного, что было бы новым. С самых давних пор люди собирались у костров, кутаясь в шкуру убитого медведя, или сходились кучками на рыночной площади, огнедыша чесноком, чтобы послушать, как рассказывают. Так строительный камень возвращается культуре посредством слышимого слова.

Верно, здесь стоит сказать о колорите киевских улиц, которые питались колоритом расцветки царских фалер: лазоревыми тонами Андреевской цепи петровской и черно-красной екатерининской — ордена св. Владимира. Андреевская церковь и здание Университета — документальные подтверждения. Но архитекторы начала XX века полагали иначе. По воспоминаниям Василия Витальевича Шульгина, зодчий Алёшин считал, что в "общем ансамбле Киев должен был быть белостенным с золотом. Чутьки золота в узорах, хорошо выработанных историей, узорах, положенных на простые гладкие белые стены. На этом фоне киевские темнолистые тополи будут упоительны" [4]. Здесь всё не так: Алёшин был хороший архитектор, но старомодный. Тополям все равно, что их оттеняет, большинству людей все равно, в чем они живут. Но уникальные объекты — церкви и университеты — должны держать марку державного устройства, допустим, по двум высшим орденам Российской империи, хотя бы цветом, если больше нечем, подчеркивая антипровинциальность.

А ведь и вправду симпатичные, убедительные были в России ордена — от первого, св. Андрея (1689) до Анны и Станислава (1831): долговечные ювелирные изделия фабрик Ивана Чучелова и Дмитрия Осипова.

При всей законопослушности нас тешит, когда власть остается в дураках (С. Моэм) — у другой власти. Александр Федорович Керенский, вспоминая, как сановных государевых слуг в марте 1917-го по его приказу заточали в Петропавловской крепости, поведал смешное об Иване Логгиновиче Горемыкине, дважды премьер-министре России. "Где ваш орден? — спросил я. — Сильно возбужденный и смущенный старик что-то забормотал, как застигнутый с поличным школьник. — Вы его сняли? — допытывался я. — Нет. — Но где же он? — Бедняга знал, что ему не позволят взять с собой лишние предметы, но был не в силах расстаться со своей игрушкой; наконец он решился расстегнуть пиджак и жилет, начал вытаскивать спрятанную под рубашкой цепь. Я сделал для него исключение, разрешив оставить орден" [5]. Орден Андрея Первозванного "За веру и верность" был вручен Горемыкину в 1915-м, и 78-летний действительный тайный советник первого ранга не успел им набаловаться. Профессиональный законник Горемыкин не был лишен вкуса: цепь и знак ордена св. Андрея действительно образцы ювелирности, не только изысканно сочиненные, но и державно значимые.

Барочная расческа городской ткани, городская букля Андреевской церкви, верткие формы улиц и не совсем гибкое дело дальнейшего роста — символический съём Киева рубежа наших веков. Нестор написал — мы читаем. Растрелли построил — глядим. Если будем способны совместить летописное с конкретным, сможем понять: оттого ли нет колоколов на Андреевской церкви, что при первом же ударе днепровская вода, якобы спрятавшаяся в Андреевской горе, проснувшись бы и залила Киев с Левобережьем?

Явленная Нерушимая стена Св. Софии и неявленный Андреевский колокол, хранящие Киев sola fide, — две тонкие духовные конструкции, позволяющие увериться в непоколебимости хода истории: нарушь — не увидишь, что будет.

Андрей Пучков

1. Изборник: Сб. произв. литературы Древней Руси / Сост. Л. А. Дмитриев и Д. С. Лихачёв. — М., 1969. — С.31.
2. Петровский М. С. Городу и миру: Киевские очерки. — К., 1990. — С. 95.
3. Пучков А. О. Рим Кулаковського і булгаковський Київ: Екстериторіальні розбіжності у контексті історії та культури // Мистецтвознавство України: Зб. наук. праць ІПСМ НАМ України. — К., 2010. — Вип. 11. — С. 260.
4. Шульгин В. В. Письма к русским эмигрантам. — М., 1961. — С. 62.
5. Керенский А. Ф. Русская революция: 1917. — М., 2005. — С. 47.